V 118/919

Дг 118/919

ГАДАТЕЛИ И ЗНАХАРИ

У ЦАРЕВОКОКШАЙСКИХЪ ЧЕРЕМИСЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Свящ. С. А. Багина,

дѣйствительнаго члена Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1910.

Ф 118/919.

ГАДАТЕЛИ И ЗНАХАРИ

У ЦАРЕВОКОКШАЙСКИХЪ ЧЕРЕМИСЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Свящ. С. А. Багина,

дѣйствительнаго члена Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

МУЗЕЙ им. РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІОТЕКА

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Б. Варнеке.

Отдѣльный оттискъ изъ XXVI-го т. «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи» за 1910 годъ.

2007237534

Гадатели и знахари у царевококшайскихъ черемисъ.

Языческій культъ у черемисъ-язычниковъ и частію—черемисъ-христіанъ—Царевококшайскаго уѣзда, Казанской губ., сохранился значительно болѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ губерніи. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что языческія вѣрованія у черемисъ поддерживаютъ такъ называемые „*карты*“ [старики], „*омымъ-ужшы*“ (сновидцы), „*мужедшы*,“ „*шинчан-ужшы*“ (гадатели и знахари),—которые, подобно шаманамъ среди сибирскихъ инородцевъ, всѣми мѣрами стараются оживить умирающее язычество и, являясь главными руководителями при языческихъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, грозятъ своимъ единоплеменникамъ наказаніемъ божествъ, карающихъ за уклоненіе отъ жертвоприношеній и другихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ. Они же являются хранителями общественныхъ рощъ [по черемиски-„оты“], въ которыхъ приносятся въ жертву различныя животныя. Рощи эти,—остатки тѣхъ громадныхъ лѣсовъ, которыми когда-то почти сплошь былъ покрытъ Казанскій край, являясь нѣмыми свидѣтелями языческихъ молитвенныхъ собраній черемисъ, указываютъ, несомнѣнно, на то, что христіанское ученіе еще недостаточно проникло въ религіозное сознаніе черемисъ и язычество имѣетъ значительную силу. Такихъ рощъ разсѣяно по Царевококшайскому уѣзду немало: въ одномъ приходѣ села Уньжи, въ которомъ, кромѣ 1891 чел. обоего пола черемисъ-христіанъ, числится 179 чел. черемисъ-язычниковъ, насчитывается около 20 такихъ рощъ; правда, изъ нихъ около 10 рощъ представляютъ лишь остатки прежняго величія, такъ

какъ, подъ вліяніемъ христіанства, постепенно онѣ уничтожаются черемисами, но все же еще продолжаютъ напоминать, что среди черемисъ требуется со стороны школъ и духовенства значительная христіански-просвѣтительная работа. Позволю себѣ нѣсколько остановиться на описаніи этихъ рощъ и краткой характеристикѣ жертвъ, приносимыхъ въ нихъ по указанію сновидцевъ, гадателей и знахарей, насколько это необходимо, по моему мнѣнію, для предмета настоящаго сообщенія, предлагаемаго благосклонному вниманію Собранія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Черемисскія рощи, гдѣ совершаются языческія жертвоприношенія, представляютъ небольшія группы деревьевъ различныхъ породъ, иногда огороженныхъ небольшимъ прясломъ изъ мелкихъ жердей, и имѣющихъ внутри лишь небольшую полянку для сожженія жертвъ и нѣсколько берестяныхъ цилиндрической формы кузовковъ, которые употребляются для защиты горящихъ восковыхъ свѣчъ во время молитвы при жертвоприношеніяхъ. Черемисскія рощи для жертвоприношеній раздѣляются на три категоріи: родовыя или племенныя, общественныя или „соборныя“ и частныя. Въ родовыхъ рощахъ приносятся жертвы только однимъ какимъ либо родомъ, почему и самыя рощи носятъ названія по имени родоначальника, напр., „Макар-оты“ или же общее названіе-„Насыл-оты“ (родовая роща). Въ этихъ рощахъ черемисы другихъ родовъ жертвъ не приносятъ и не чтутъ ихъ.

Въ общественныхъ или соборныхъ рощахъ „Мер-оты“ (собственно—мірская роща), жертвы приносятся черемисами болѣе или менѣе обширнаго раіона, поэтому жертвоприношенія въ нихъ совершаются при большомъ стеченіи народа и въ жертву приносится какое-либо крупное животное—корова, быкъ или лошадь; при томъ жертвоприношенія эти совершаются по какимъ-либо общимъ нуждамъ: по случаю неурожая, падежа скота, засухи и проч. Частныя рощи носятъ различныя названія, которыя онѣ получили отъ именъ первыхъ почитателей ихъ, мѣстоположенія и проч., напр., „Мрас-оты“,

„Мюкшыд-оты“, „Кюс-оты“ и др. и пользуются популярностью среди черемисъ обыкновенно незначительнаго раіона, чаще—одной деревни; впрочемъ, нѣкоторыя извѣстны своими цѣлебными свойствами и за предѣлами уѣзда. Въ этихъ рощахъ жертвы приносятся, по указанію гадателей и знахарей, низшимъ духамъ, которые причиняютъ людямъ различныя семейныя несчастія и болѣзни, поэтому рощи эти не принадлежатъ ни роду или племени, ни отдѣльному обществу, а составляютъ достояніе всѣхъ вообще, и обязательныхъ, такъ сказать, очередныхъ жертвъ, въ нихъ не приносится. На нихъ черемисы смотрятъ какъ на своего рода лечебницы, въ которыхъ почти каждое дерево, служа пристанищемъ какому-либо духу, является спеціальнымъ фетишемъ, имѣющимъ какія-либо цѣлебныя свойства: жертвы при одномъ помогаютъ отъ боли живота, при другомъ—отъ головной боли, при третьемъ—отъ лихорадки и проч.; одни помогаютъ—при семейныхъ раздорахъ, другіе—при безплодіи женщинъ и проч.

Имѣя цѣлью настоящаго сообщенія ознакомить слушателей съ черемисскими гадателями и знахарями, я не буду останавливаться на миѳологіи черемисъ и обрядовой сторонѣ жертвоприношеній, вопросъ о которыхъ достаточно разработанъ въ этнографической литературѣ и перейду къ изложенію записанныхъ мною свѣдѣній о гадателяхъ и знахаряхъ черемисъ.

Языческія вѣрованія черемисъ и другихъ инородцевъ нашего обширнаго Казанскаго края, несомнѣнно, должны быть разсматриваемы какъ остатки шаманства, въ которомъ люди, обладающіе способностью вступать въ общеніе съ духами и непосредственно руководиться ими, а именно—колдуны, знахари, шаманы, имѣютъ важное значеніе въ религіозныхъ дѣлахъ и поддерживаютъ языческій культъ среди своихъ единоплеменниковъ. Эти представители шаманства у черемисъ сохранили свой авторитетъ болѣе, чѣмъ у другихъ мѣстныхъ инородцевъ и оказываютъ сильное противодѣйствіе христіанскому вліянію, такъ какъ, происходя изъ черемисской среды, они стоятъ

очень близко къ своимъ единоплеменникамъ и являются единственными совѣтниками и руководителями ихъ при всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни: при болѣзняхъ, несчастіяхъ, семейныхъ неудачахъ и раздорахъ и проч. Лица эти, по замѣчанію Г. Миллера, у черемисъ „состоятъ въ великомъ почтеніи.“ Въ своемъ трудѣ „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемисъ, чуваш и вотяковъ“ (СПБ. 1791 г.) Г. Миллеръ такъ опредѣляетъ значеніе ихъ: „Оныхъ колдуновъ по справедливости можно почесть за начальниковъ ихъ суетной и самовольно вымышленной жертвы; ибо все зависитъ отъ ихъ повелѣнія, гдѣ и когда, и какимъ образомъ службу служить, а паче какую животину, и при какомъ случаѣ въ жертву приносить надлежитъ, потому что ихъ служба наипаче состоитъ въ жертвоприношеніи звѣрей, которыхъ они сами послѣ въ снѣдь употребляютъ“ (стр. 47). Въ общественныхъ „соборныхъ“ рощахъ—„мер-оты,“ черемисы приносятъ жертвы по указаніямъ сновидцевъ „омым—ужшы“ (сны видящій, отъ „омо“—сонъ). Омым—ужшы бываетъ обыкновенно ревностный поклонникъ и почитатель языческихъ обрядовъ и обычаевъ, который всѣ общественныя несчастія—неурожаи хлѣбовъ, засухи, градобитія, падежъ скота, эпидемическія болѣзни и проч., считаетъ наказаніями злыхъ божествъ за оставленіе языческихъ жертвоприношеній. Этотъ ревнитель язычества, при свойственной черемисамъ мнительности, во время общественныхъ бѣдствій начинаетъ ожидать еще бо́льшихъ несчастій и сожалѣть, что сородичи его охладѣли къ „старой Адамовой вѣрѣ“ и что, если они не исправятся, ихъ постигнетъ еще какая нибудь бѣда. Поэтому въ частныхъ бесѣдахъ и во время „мірскихъ“ сходокъ онъ обличаетъ своихъ сородичей въ несоблюденіи традиціонныхъ обрядовъ и грозитъ, что, если они не послушаютъ его, имъ будетъ еще хуже. Въ это время омым—ужшы переживаетъ тревожное состояніе и мысль о необходимости жертвоприношенія неотступно преслѣдуетъ его; наконецъ онъ видитъ во снѣ божество, которое грозно требуетъ

себѣ въ жертву какихъ либо животныхъ. Сновидѣцъ передаетъ объ этомъ черемисамъ и убѣждаетъ ихъ исполнить это требованіе божества и жертвы немедленно приносятся при участіи всѣхъ жителей деревни или даже—при участіи довольно значительнаго раіона окрестныхъ селеній, при чемъ о времени жертвоприношеній они извѣщаются особыми посланными.

Что касается гадателей и знахарей, то они имѣютъ значеніе не въ общественныхъ моленіяхъ, а частныхъ—по случаю различныхъ семейныхъ обстоятельствъ, во главѣ ихъ считается „*мужедшы*“—гадатель или ворожецъ.

„МУЖЕДШЫ“ черемисы называютъ обыкновенно мужчину, который ворожитъ при помощи пояса или опояски. Иногда обязанности „мужедшы“ исполняетъ и женщина, но это наблюдается сравнительно рѣдко. Къ „мужедшы“ обращаются обыкновенно по случаю болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи, при чемъ онъ долженъ опредѣлить какому духу и какую жертву нужно принести для выздоровленія больного. Обыкновенно это происходитъ такъ: гадатель приходитъ въ домъ больного, смотритъ на него, качаетъ головой и говоритъ, что онъ можетъ помочь больному, но что для этого нужно погадать—кому и какую жертву нужно принести. Всѣ со вниманіемъ слѣдятъ за движеніями этого гадателя; безпрекословно исполняютъ всѣ его требованія. Разговоры прекращаются,—наступаетъ тишина, въ которой яснѣе слышится таинственное шептанье „мужедшы“. Онъ беретъ поясъ, завязываетъ два узла на разстояніи длины локтя съ кистью руки, садится гдѣ нибудь въ углу и, не переставая таинственно шептать и дуть, по временамъ, на поясъ, приступаетъ къ дѣлу. Всѣ со вниманіемъ смотрятъ, а „мужедшы“ какъ будто нарочно медлитъ... Наконецъ онъ, прижавъ локтемъ правой руки одинъ узелъ къ колѣнямъ, начинаетъ продѣлывать съ поясомъ всевозможныя манипуляціи, прикладывая къ другому узлу пояса кисть правой руки, при чемъ конецъ пояса вслѣдствіе этого дѣлается то длиннѣе, то короче, и ладонью лѣвой руки измѣ-

ряетъ произведенную перемѣну въ длинѣ пояса, при чемъ свои соображенія, время отъ времени, онъ сообщаетъ присутствующимъ и въ заключеніе объявляетъ, что для умилостивленія злого духа, отъ котораго произошла болѣзнь, нужно принести въ жертву овцу или жеребенка, указываетъ мѣсто и время. Во время этого гаданья „мужедшы“ умѣютъ обставить дѣло такъ, что всецѣло овладѣваютъ вниманіемъ присутствующихъ черемисъ: всѣ слушаютъ его шопотъ съ большимъ вниманіемъ, придаютъ важное значеніе всѣмъ его движеніямъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ результата этого гаданья. Несомнѣнно „мужедшы“ окружающимъ его черемисамъ внушаетъ мысль, что все, что онъ дѣлаетъ, происходитъ при участіи духа, который наводитъ болѣзни и невольно, какъ бы отъ близкаго присутствія этого духа, всѣ испытываютъ страхъ. Одинъ священникъ изъ черемисъ, въ дѣтствѣ часто участвовавшій при гаданіяхъ „мужедшы“, такъ разсказывалъ мнѣ свои впечатлѣнія о нихъ: „Мужедшы“, при обыденной обстановкѣ, не представляющій ничего необыкновеннаго, во время этого гаданія какъ бы перерождается: онъ гордо смотритъ на присутствующихъ и какъ бы дѣйствительно выростаетъ въ глазахъ присутствующихъ, движенія его дѣлаются смѣлыми, рѣшительными, въ голосѣ слышатся повелительныя нотки. Онъ авторитетно разсуждаетъ о злыхъ духахъ, которые наводятъ на людей болѣзни за неисполненіе жертвоприношеній и этимъ напоминаютъ людямъ о своемъ существованіи; говоритъ о томъ, гдѣ и въ какихъ рощахъ и отъ какой болѣзни нужно приносить жертвы. Приводитъ нѣсколько случаевъ выздоровленія больныхъ, за которыхъ были принесены жертвы по его указанію. Невольно всѣ проникаются чувствомъ уваженія къ нему и начинаютъ вѣрить, что при помощи „мужедшы“ все обойдется благополучно. Овладѣвъ вниманіемъ присутствующихъ, слѣдящихъ съ неослабѣвающимъ интересомъ за каждымъ его движеніемъ, мужедшы до конца гаданія поддерживаетъ это состояніе; по окончаніи гаданія испытывается нѣкоторое утомленіе и непріятное чувство, точно послѣ кашмара.“ Больной также все время внима-

тельно слушаетъ, что говоритъ „мужедшы“ и облегченно вздыхаетъ, вѣря, что его гаданье поможетъ. Гадателю „мужедшы“ предлагается обильное угощеніе, нѣсколько копеекъ денегъ, а иногда какой-нибудь подарокъ и онъ отправляется домой.

Послѣ этого больной начинаетъ просить своихъ семейныхъ, чтобы они поскорѣе исполнили то, что имъ велѣлъ сдѣлать „мужедшы“ для его выздоровленія, т. е. принесли жертву. Жертвенное животное съ указанными „мужедшы“ признаками, если не имѣется въ стадѣ хозяина, обыновенно покупается на ближайшемъ базарѣ или въ сосѣдней деревнѣ. Больной, надѣясь на выздоровленіе, торопитъ своихъ родственниковъ поскорѣе принести жертву. Если почему либо происходитъ промедленіе въ этомъ, больной плачетъ, упрекаетъ родныхъ въ томъ, что они не заботятся о его выздоровленіи, желаютъ его смерти. Больной смотритъ на приготовленія къ жертвоприношенію и радуется. Наконецъ все готово. Больной, зная разстояніе до рощи, высчитываетъ сколько нужно времени чтобы доѣхать до нея, сколько пройдетъ времени въ приготовленіяхъ къ жертвоприношенію и, приблизительно опредѣляя время закола жертвы, облегченно вздыхаевъ,—начинаетъ чувствовать что ему стало легче и, по возвращеніи участниковъ жертвоприношенія, обыкновенно садится за столъ, чтобы принятъ участіе въ угощеніи, приготовленномъ для нихъ. Иногда больной выздоравливаетъ послѣ этого и вѣра въ цѣлебныя свойства жертвъ, приносимыхъ по указанію „мужедшы,“ укрѣпляется...

ШИНЧАН-УКШЫ, т. е. видящій глазами, прозорливый. Этимъ именемъ называются гадатели или ворожецы, которые ворожатъ на бобахъ, черныхъ камешкахъ, на водѣ, при помощи зеркала, старинныхъ стертыхъ монетъ и проч. Бобы и камешки они перекладываютъ нѣсколько разъ особыми, извѣстными имъ, способами, бросаютъ ихъ и, изъ расположенія ихъ, выводятъ заключеніе, что нужно сдѣлать просителю, чтобы найти, напр., украденное или—чтобы прекратить раз-

доры въ семьѣ и проч.: принести ли жертву или обратиться къ заговорщику отъ болѣзней-„шювэдшы," или къ „локтозы," который причиняетъ порчу людямъ и можетъ заставить, напр, вора возвратить украденное и проч.

Нѣкоторые „шипчап-ужшы" узнаютъ все это при помощи воды, зеркала или старинной стертой монеты, при чемъ долго и пристально смотрятъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что нужно. Обязанности „Шипчап-ужшы" могутъ исполнять и мужчины и женщины; сравнительно съ „мужедшы" они пользуются меньшимъ авторитетомъ и вліяніемъ.

„ШЮВЭДЫШЫ", т. е. плеватель, въ смыслѣ—шептунъ или наговорщикъ, также бываютъ не только мужчины, но и женщины. При своихъ наговорахъ они берутъ небольшую деревянную или чайную чашку, наполняютъ ее солью, или—пивомъ, водой, смотря по спеціальности шювэдышы, берутъ деревянную небольшую палочку и, быстро мѣшая ею въ чашкѣ, произносятъ слова заговора; при этомъ они по временамъ плюютъ на содержимое чашки, почему и носятъ названіе „шювэдышы". При заговорѣ отъ болѣзней „шювэдышы" высказываетъ такія пожеланія: „пусть (если у больного болитъ животъ) животъ у него болитъ тогда, когда будетъ плавать камень или желѣзо по водѣ, пусть болитъ тогда, когда пухъ будетъ тонуть въ водѣ, пусть болитъ тогда, когда въ морѣ вся вода высохнетъ" и т. д. Послѣ этого наговора содержимое чашки, по мнѣнію черемисъ, пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства и больной долженъ выпить или съѣсть наговоренное не брезгуя тѣмъ, что „шювэдышы" нѣсколько разъ туда плюнулъ.

„ЛОКТОЗЫ." т. е. причиняющій порчу людямъ, подобно русскому колдуну. Эти лица причиняютъ порчу людямъ по просьбѣ тѣхъ, которые желаютъ сдѣлать вредъ своему сосѣду или врагу. Эти недоброжелатели обращаются къ „локтозы," который беретъ какую-нибудь тонкую веревочку, поясъ или шнурокъ, при чемъ наговоръ считается болѣе дѣйствительнымъ, если удастся взять ихъ у врага, и наговариваетъ всевозможныя недоброжелательства, завязывая узлы,

концы которыхъ затягиваются по возможности крѣпче. Завязывая узелъ „локтозы“ обыкновенно говоритъ: „чтобы жилы этого человѣка были связаны, какъ узлы этой веревки, чтобы его скорчило, чтобы онъ не могъ ни сидѣть, ни лежать“ и такъ далѣе. Послѣ этого веревку, принявшую отъ узловъ видъ клубка съ запрятанными концами, „локтозы“ велитъ подбросить врагу, которому были адресованы вышеприведенныя пожеланія; при чемъ все это дѣлается тайно: сдѣлать это нужно въ самую полночь, до пѣнія пѣтуховъ и при томъ такъ, чтобы никто не видѣлъ, иначе заговоръ будетъ недѣйствительнымъ и не принесетъ желательныхъ результатовъ.

Нѣкоторые черемисы обращаются къ „локтозы“ и въ томъ случаѣ, если кто-либо, по указанію „мужедшы“ (ворожеца), долженъ принести за больного жертву, но не можетъ этого сдѣлать по бѣдности, т. е. по недостатку средствъ на покупку жертвеннаго животнаго и проч.; при этомъ „локтозы,“ при помощи описаннаго выше заговора долженъ перевести болѣзнь на другого, болѣе состоятельнаго человѣка, которому, по его матеріальному достатку, не представитъ особеннаго труда принести умилостивительную жертву за больного, т. е. по русской пословицѣ „свалить съ больной головы на здоровую“.

Черемисинъ, увидѣвъ на своемъ дворѣ подброшенный клубокъ изъ узловъ (ипдышъ), сразу догадывается, что это такое, и на него моментально нападаетъ страхъ за участь семейныхъ и свою, и онъ принужденъ бываетъ обратиться за совѣтомъ къ „шинчан-ужшы.“ т. е. къ прозорливому; предварительно же черемисинъ разыскиваетъ на дворѣ какую-нибудь „поганую“ т. е. грязную, опачканную въ отбросахъ, палку (или-метелку, лопатку) и со всевозможными предосторожностями и чувствомъ полнѣйшаго отвращенія, съ произнесеніемъ отборныхъ ругательствъ, поднимаетъ „ипдышъ“ грязнымъ концомъ ея и, не глядя на него, и стараясь держать отъ себя по возможности дальше, уноситъ куда-нибудь въ ближайшій оврагъ, бросаетъ въ него вмѣстѣ съ палкой

и приговариваетъ при этомъ: „пусть тебя самого согнетъ въ баранiй рогъ“ и т. д.

ПОШАРШЫ. Въ заключенiе своего описанiя гадателей и знахарей черемисъ считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о „пошаршы“ (смутитель), которые, хотя не занимаются гаданiемъ и заговорами, но все же, по мнѣнiю черемисъ, близки къ нечистой силѣ и по желанiю могутъ причинить не мало хлопотъ и труда, поэтому съ ними нужно обходиться поосторожнѣе и не возбуждать ихъ гнѣва. „Пошаршы“ обладаютъ способностью при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни, по недоброжелательству, наводить различныя непрiятности и затрудненiя, напр., „уросъ“ или упрямство на лошадей свадебнаго поѣзда, что можетъ доставить большiя хлопоты поѣзжанамъ, неудачу во время пути отъ поломки колеса или оси и проч. Для защиты отъ „пошаршы“ обыкновенно обращаются къ заговорщику—„шювэдышы.“

Описанные мною въ настоящемъ сообщенiи лица имѣютъ важное значенiе въ глазахъ суевѣрныхъ черемисъ и приносятъ многимъ просвѣтительнымъ начинанiямъ безусловный вредъ,—боясь потерять свое вліянiе на народъ, они препятствуютъ постройкѣ или открытiю школъ, парализуютъ дѣйствiя духовенства и школъ въ ихъ христiанско-просвѣтительныхъ начинанiяхъ. Какъ показываютъ наблюденiя среди черемисъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ гадатели и знахари утратили свой авторитетъ, христiанское просвѣщенiе идетъ несравненно быстрѣе, поэтому всѣмъ, кому дороги интересы просвѣщенiя черемисской народной массы, необходимо обратить наибольшее вниманiе на ихъ дѣятельность и съ проповѣдью христiанскаго ученiя нужно обращаться къ нимъ прежде другихъ.

Изъ исторiи христiанскаго просвѣщенiя черемисъ также извѣстно, что черемисскiе гадатели и знахари имѣли большое вліянiе на нихъ и въ прошломъ, такъ, напр., въ 1827 году, во время отпаденiй крещеныхъ черемисъ въ язычество указывалось, между прочимъ, какъ на одну изъ причинъ этого отпаденiя, на „тайное вліянiе языческихъ учителей—„му-

жедовъ“ на крестившихся черемисъ“ [1]). Кромѣ вреднаго вліянія ихъ на дѣло христіанскаго просвѣщенія черемисъ, наблюдается и значительный матеріальный ущербъ, причиняемый „мужедшами“ и другими гадателями суевѣрнымъ черемисамъ требованіями приносить тѣ или другія жертвы, такъ какъ эти жертвоприношенія обходятся имъ иногда рублей въ 20—30. Въ „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“ за 1876 годъ г. Маляровъ (изъ черемисъ) въ статьѣ „Похоронные обычаи и повѣрья горныхъ черемисъ“ говоритъ по этому поводу о мужедшы слѣдующее:„ Иногда случается, что захвораетъ дорогой человѣкъ изъ семейства и лежитъ при смерти; тогда, по указанію „мужана,“ (такъ называется мужедшы у горныхъ черемисъ Козмодемьянскаго уѣзда) зарѣжутъ самого лучшаго рабочаго коня... Не окончили еще суевѣрные черемисы своего жертвоприношенія, не успѣли жертвоприносители полакомиться варенымъ мясомъ лошади,—а больной уже испустилъ свою душу... Вдругъ подымается въ семьѣ плачъ и вопль... Жаль человѣка, жаль и зарѣзаннаго коня-кормильца... Плачутъ и ропщутъ родственники умершаго на свои божества (па киреметей) и на мужановъ... Въ горѣ и досадѣ одинъ изъ старшихъ членовъ семейства умершаго бѣжитъ къ мужану и говоритъ ему: „по твоему наставленію все въ точности исполнено; чего же еще не доставало для того, чтобы больной выздоровѣлъ“? Мужанъ въ свое оправданіе отвѣчаетъ:„ когда вы совершали жертвоприношеніе, то вѣрно кто нибудь изъ вашихъ семейныхъ въ душѣ своей пожалѣлъ назначенную въ жертву скотину *и роптал на тяжелый обычай;* или же вы предъ жертвоприношеніемъ имѣли недобрую встрѣчу: женщину, попа, свинью задкомъ, а не головою, зайца“ и т. п. Такъ упрекаетъ мужанъ несчастнаго черемисина за неосторожность и говоритъ: „вы сами погубили человѣка по своей глупости... Вашему больному слѣдовало бы еще дол-

---

[1]) См. Архимандритъ Сергій. Высокопреосвященный Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и его время. Томъ II. Казань, 1888 года. Стр. 5.

го жить"... Итакъ, по вѣрованію черемисъ, каждый больной человѣкъ умираетъ отъ неудачнаго жертвоприношенія." (Стр. 741.)

Въ виду такаго вреднаго вліянія черемисскихъ гадателей, знахарей и сновидцевъ на дѣло просвѣщенія черемисъ, приходскому духовенству и школьнымъ дѣятелямъ необходимо обратить особенное вниманіе на дѣятельность этихъ лицъ и стараться парализовать ихъ вліяніе на черемисъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ для этого, является христіанская проповѣдь на родномъ языкѣ черемисъ, по слову апостола: „настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ" (2 Тим. 4, 2.). Необходимо и въ школахъ объяснять дѣтямъ безполезность языческихъ суевѣрій и, утратившихъ свое значеніе, жертвоприношеній животныхъ. Приходскій пастырь, знакомый съ языческими воззрѣніями своихъ пасомыхъ, всегда можитъ своевременно предупредить исполненіе ими тѣхъ или другихъ языческихъ обрядовъ, но при этомъ нужно дѣйствовать съ любовію и кротостію, и стараться убѣдить язычествующихъ инородцевъ въ суетности и безполезности языческихъ обычаевъ безъ оскорбительныхъ выраженій для ихъ религіозныхъ понятій, съ которыми они сжились съ первыми проблесками дѣтскаго сознанія. Мѣры репрессивныя въ этомъ не помогутъ,—они, какъ показываютъ наблюденія, лишь ожесточаютъ инородцевъ и пробуждаютъ въ нихъ еще бо́льшую привязанность къ язычеству и холодность къ христіанству.

Свящ. *С. А. Багинъ.*

Въ книжномъ складѣ при Братствѣ св. Гурія (Казань, Спасо-Преображенскій монастырь) и книжныхъ магазинахъ г. Казани продаются брошюры свящ. С. А. Багина:

1) Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда. Москва, 1897 г. Цѣна 50 коп.

2) Изъ татарско-мусульманской печати. Отд. оттискъ изъ Приложенія къ Циркуляру по Казанскому учебному округу. Казань, 1908 г. Ц. 10 к.

3) О пропагандѣ ислама путемъ печати. Казань, 1909 г. Ц. 30 к.

4) Изъ дневника миссіонера. (Бесѣда съ магометанами). Казань, 1909 г. Цѣна 6 коп.

5) Объ отпаденіи въ магометанство крещеныхъ инородцевъ Казанской епархіи и о причинахъ этого печальнаго явленія. Казань, 1910 г. Ц. 35 коп.

2007237534